

Оригинальная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>**Особенности функционирования иноязычной лексики китайского происхождения в русском языке XIX–XX веков****Н.В. Габдреева ✉, Хэ Юань, Ван Юйцун***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*✉ n.gabdreeva@mail.ru**Аннотация**

В истории русской лексикологии широкое освещение получили слова, заимствованные из европейских языков (англицизмы, галлицизмы, германизмы), однако лексика китайского происхождения мало изучена с позиций истории ее формирования и изменений. В настоящей статье в качестве объекта исследования выбраны китаизмы, функционирующие в текстах периода конца XIX – начала XX в. (в повестях советского писателя Б.А. Пильняка и российского путешественника, ученого и общественного деятеля Е.П. Ковалевского). Введение в научный оборот новых источников позволило выявить функциональные особенности указанных слов, их форму и значение, типы вариантов, а также другие характеристики, что весьма важно, поскольку для многих лексем лексикографическая фиксация отсутствует. Пласт китайских заимствований требует дальнейшего выявления и описания, что связано с привлечением нового корпуса текстов и работы с толковыми и этимологическими словарями. Статья вносит вклад в изучение истории взаимоотношений России и Китая.

Ключевые слова: заимствованные слова, китайская лексика, русский язык, особенности

Для цитирования: Габдреева Н.В., Хэ Юань, Ван Юйцун. Особенности функционирования иноязычной лексики китайского происхождения в русском языке XIX–XX веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>

Integration of Chinese loanwords into the Russian language during the 19th and 20th centuries

N.V. Gabdreeva[✉], He Yuan, Van Yucong

Kazan Federal University, Kazan, Russia

[✉]n.gabdreeva@mail.ru

Abstract

Loanwords are the terms borrowed from one language to another as a result of cultural contacts and thus carrying valuable information about the multifaceted mutual impacts, both direct and indirect, between different languages. In the history of Russian lexicology, much attention has been paid to words originating from European languages (Anglicisms, Gallicisms, and Germanisms), while the evolution and adaptation of Chinese loanwords have received little interest so far. In this article, the use of Chinese loanwords in the Russian texts of the 19th and early 20th centuries, specifically in the works by B.A. Pilnyak, a distinguished Soviet writer, and Y.P. Kovalevsky, a famous Russian traveler, scholar, and public figure, was analyzed. By introducing new sources into the scholarly discourse, the functional characteristics of these words were examined, as well as their forms and meanings, variant types, and other relevant features. Since many of them are not reflected in the existing lexicographic records, the results obtained are especially important. Many Chinese loanwords coined in the Russian language are still to be identified and described, which requires the incorporation of new text corpora and the work with explanatory and etymological dictionaries. The insights gained unveil the history of contacts between Russia and China.

Keywords: loanwords, Chinese vocabulary, Russian language, features

For citation: Gabdreeva N.V., He Yuan, Van Yucong. Integration of Chinese loanwords into the Russian language during the 19th and 20th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 94–104. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.94-104>. (In Russian)

Введение

При упоминании заимствований китайского происхождения в русском языке общим местом стала отсылка к истории слов *шелк*, *чай*, *тайфун* и *жемчуг*. Однако в действительности таких единиц значительно больше, и за рамками научного описания пока остается целый пласт лексики, которая, во-первых, не является столь распространенной и высокочастотной, как вышеназванные слова, а во-вторых, имеет свои специфические особенности, относится к иноязычной лексике, поскольку статус подобных лексем в русском языке во многом определяется наличием этнокультурного компонента. Изучение заимствованных слов связано с такими вопросами, как общение между этническими группами, культурные обмены и языковые заимствования. Поскольку прототипы и их корреляты в принимающей системе соотносятся со структурными и семантическими особенностями различных языков, им уделяют

внимание разные специалисты: лингвисты, историки, географы, социологи, культурологи. В силу своей лингвистической и культурной двойственности иностранные слова играют заметную роль в лексической системе любого языка [1].

Исследование заимствованных слов в русском языке необходимо, потому что иначе его научное осмысление было бы неполным. В русском языке для обозначения подобных слов используются такие термины, как *иноязычные слова*, *иноязычные заимствования*, *заимствованные слова*, *иностранные слова* и др. В настоящее время наблюдается смешение этих понятий, однако в классической контактологии они различаются, и основным критерием такого разграничения является степень адаптации (ассимиляции) – фонетической, грамматической, семантической и функциональной. Так, например, слово, которое в сознании носителя воспринимается как принадлежащее к лексической системе русского языка, отождествляется с ней и не осознается как чужое, можно отнести к заимствованным; лексические единицы, которые осознаются как чужие, не освоены системой и могут квалифицироваться как иноязычные. Механизмы ассимиляции хорошо описаны в научной литературе, например, процессы, происходящие в семантике слова, с психологической точки зрения рассмотрены у А.А. Леонтьева [2]. В.А. Богородицкий, ведущий представитель Казанской лингвистической школы, полагал, что процесс заимствования является закономерным и естественным результатом межкультурного общения [3]. Он указывал: «Ежели индивидуум заимствует слово из другого языка, то он заимствует его согласно с звуковой системой своего родного говора, но это – в том лишь случае, если у него нет привычки к иностранным языкам, в частности к данному, и, кроме того, если он не стремится сознательно к возможно точному воспроизведению услышанного произношения» [4, с. 55]. Согласно «Словарю-справочнику лингвистических терминов», «заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова» (Роз., с. 147–148). «Лингвистический энциклопедический словарь» объясняет рассматриваемое явление следующим образом: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» (ЛЭС, с. 158). По мнению Т.В. Матвеевой, «заимствованная лексика – слова, появившиеся в языке в результате процессов заимствования. Термин применим к любым типам заимствований, в том числе к калькам, а также к заимствованиям любой степени русскоязычного освоения – иноязычным словам, варваризмам, иноязычным вкраплениям» (Матв., с. 108). Заимствование представляет собой обозначение как результата перемещения языковых единиц, так и самого процесса миграции.

Иноязычная лексика проникала в принимающий язык по разным каналам (через разговорную речь иностранцев, переводы иностранных книг и др.), но главным образом через письменные источники, в которых заметное место занимали как раз описания путешествий за границу. В современной русистике неисконная лексика описана весьма неплохо; одним из значимых направлений Казанской лингвистической школы также является изучение заимствований самой разной этимологии (галлицизмов, англицизмов, арабизмов) – назовем имена И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, С.К. Булича, современных исследователей Э.А. Балалыкину, Р.А. Юналееву, К.Р. Галиуллина, А.В. Агееву, Н.В. Габдрееву [5]. Однако слова китайского происхождения, как мы отметили выше, пока не получили всестороннего

научного освещения, хотя этот процесс уже начался [6; 7]. Между тем изучение китайской лексики в произведениях художественной литературы, текстах, переведенных с китайского языка, и записках путешественников XIX–XX вв. помогает понять процесс формирования лексической системы русского языка в историческом ракурсе, а также описать способы ввода неологизмов в русский язык. Важным аспектом таких исследований является обращение к причинам, обусловившим сам процесс заимствования, о которых говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ. Одной из них является заполнение лакунарности, вызванной несовпадением двух культур, или, иными словами, картин мира, которые находят воплощение в различных формах языка. Лакуны, по мнению современных исследователей, представляют собой результат различного членения действительности представителями разных культур. В структуру лексического значения таких единиц, которые имеют разные определения (безэквивалентная лексика, лакуны, экзотизмы), входит этнокультурный компонент.

Источники исследования

Источниками изучения довольно большого пласта слов китайского происхождения в русском языке были художественные тексты рассматриваемого периода, авторами которых являлись не только известные русские писатели, общественные деятели, но и путешественники.

Как справедливо отмечает Ли Гэнь, «в русской литературе сложилась традиция обращения к китайской культуре» [8, с. 4]. Культура, обычаи, особенности быта – все это становилось предметом описания в русской литературной традиции начиная с XV в. Одно из первых упоминаний Китая встречается в знаменитом «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, далее сведения о китайцах встречаются в поэзии XVIII в. у А.Д. Кантемира, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, М.М. Хераскова, А.Н. Радищева. Китай как символ иного мира нашел отражение в творчестве А.С. Пушкина, А.И. Гончарова, Л.Н. Толстого. Интерес известных русских писателей к Китаю и китайской культуре не только способствовал, например, распространению в России китайских философских идей, но и привел к появлению в русском языке слов из китайского языка, обозначающих философские, культурные и бытовые понятия. Как известно, в XIX в. возник специальный термин «китайский текст», который явился отражением интереса к этой стране [9, с. 151–158].

Записки путешественников (в русской культуре произведения подобного жанра называются хождениями) – как в оригинале, так и в переводе, реальные и вымышленные (художественные) – являются интересным материалом для изучения. Путешественниками в широком смысле, как мы уже обозначили, могут быть писатели, общественные деятели, политики, представители самых разных профессий и социальных групп. Для нас важен тот факт, что в процессе познания новой земли и культуры путешественники сталкиваются с необходимостью наименования новых понятий и реалий, которые им необходимо передать на родном языке, что связано с появлением лексических и семантических неологизмов. Одним из первых в советской литературе к теме Китая обратился Борис Пильняк, более известный в литературоведении как создатель образа революционера-большевика, женщины-командира в кожаной куртке. Однако значительное место в его творчестве занимает и китайская тема. Основанием для причисления Б.А. Пильняка к разряду путешественников является тот факт, что в 1926 г. он побывал в Китае и даже снялся там в одном из фильмов. Третий том собрания его сочинений, который мы выбрали для анализа, включает произведения «Корни японского солнца», «Китайская судьба человека», «Китайская повесть», в которых сюжет в классическом понимании отсутствует, однако они изобилуют теми номинациями,

которые представляют для нас интерес в качестве предмета исследования (Пильн.). Строго говоря, упомянутые номинации по своему статусу могут быть отнесены к иноязычным лексемам (о разграничении понятий *заимствованное/иноязычное слово* мы писали выше), поскольку дальнейшая их судьба в русском языке не получила развития: многие из них позже архаизировались либо имеют низкую частотность.

Текст повестей представляет лингвистический интерес, поскольку, во-первых, является прекрасным образцом неповторимого идиостиля Б.А. Пильняка, а во-вторых, содержит интересные формы и слова (не только заимствованные), которые некоторое время существовали в языке начала XX в. Так, например, нами отмечены функционально равнозначные варианты для галлицизма *шезлонг*. Современные словари русского языка приводят в качестве апеллиатива эту установившуюся стабильную форму в значении ‘легкое раздвижное кресло, в котором можно полулежать’ (СРЯ, с. 708). Временем появления слова в русском языке называется советская эпоха: оно встречается в произведениях М.М. Зощенко и А.Б. Мариенгофа. Однако именно текст Б.А. Пильняка позволяет установить не зафиксированные словарями варианты этого неологизма: *шэз-лонг/лонг-шез/шезлонг*, причем они встречаются в рамках одного произведения, что говорит об их функциональной равнозначности. Характер вариативности связан с различным произношением прототипического французского словосочетания [фр. *chaise longue* – букв. ‘длинный стул’]. Незафиксированные словарями формы отмечены не только для заимствованных слов, но и для лексем исконного происхождения: *кинемадейство*, *бессоничать*, *киносьемили*, *балетчица*, *вольнослушал*, *ломоносовствуя*, *библиотекарствуя* и др. Другая особенность рассматриваемых текстов связана с широким использованием автором иноязычных слов самой разной этимологии: например, отмечены английские вкрапления *бой*, *либрари*, *брекфест*, слова из японского языка *хибаги* (‘камелек’), *сьодзи* (‘бумажные стены японского дома’), *курума* (‘рикша’), *оби* (‘японский пояс’), *ойран* (наименование женщины, которое позже встречается у В.В. Овчинникова в «Ветке сакуры»). Указанные особенности позволяют обозначить тенденцию, которая была присуща лексике русского языка рассматриваемого периода: относительно свободное вхождение слов, обозначающих этнокультурные явления и понятия.

Другим источником послужил текст произведения «Путешествие в Китай». В 40–50-х годах XIX в. его автор, Е.П. Ковалевский, совершил поездки в Кашмир, Афганистан, на Балканы, в Египет, Судан, Эфиопию, Монголию и Китай. В результате путешествия в Китай 25 июля (6 августа) 1851 г. в г. Кульдже (Китай) между Россией и Поднебесной был заключен Кульджинский трактат. Договор подразумевал нормализацию русско-китайской торговли на среднеазиатской границе. Со стороны России его подписал Егор Ковалевский, со стороны Китая – И Шаней и Бу Янь-тай. Документ состоял из 17 статей, в которых определялись вопросы, касающиеся порядка торговли, охраны караванов, наказания за грабеж, разрешения конфликтных ситуаций, взаимной выдачи перебежчиков и т. д.

Результаты исследования

Таким образом, в текстах конца XIX – начала XX вв., связанных с описанием китайской культуры, нами исследованы способы передачи наименований лакунарных предметов (реалий, связанные с бытом, историческими событиями, традициями и пр.), а также выявлен сам лексический пласт таких обозначений. Как известно, ученые выделяют несколько способов номинации неизвестного понятия, которыми пользовались, например, переводчики начиная с XVIII в.: это описательный перевод, включение в синонимический ряд, использование гиперонимов, заимствование, пропуск неизвестного слова [10, с. 138–146].

Принимая во внимание обозначенный факт, далее отметим некоторые функциональные особенности слов китайского происхождения в изучаемый период.

1. В проанализированных текстах встречаются слова, которые имеют ярко выраженный этнокультурный компонент, поскольку являются номинациями исторических явлений, предметов быта, одежды, денежных единиц, национальной кухни (*наканы, тунзер, хадаки, цуй-цурь, кан, е-туйтын, юбин, гачи, кие, кули, еза* и др.). Некоторые единицы относятся к окказиональной лексике, в тексте они сопровождаются пояснениями, глоссами или историческим комментарием. Зачастую их жизнь ограничена пределами текста, однако следует сказать, что некоторые из приведенных лексем отмечены в словарях.

Рассмотрим некоторые примеры:

сампан (происходит от кит. шаньбань ‘три доски’) – дощатая плоскодонная лодка, встречающаяся в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии;

фанза – тип традиционного китайского жилища;

лян – единица веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии; появилась в Китае не позднее эпохи династии Хань;

сяньшен – учитель, наставник;

маманди представляет собой вкрапление китайского слова; Б.А. Пильняк пишет: «Маманди – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши»; это слово, как отмечает писатель, пронизывает всю китайскую философию;

тунзер – монета; Б.А. Пильняк пишет, что тунзер меняется на 10 кешей, равен полукопейке;

таэли – денежная единица; по замечанию писателя, по стоимости она равна 77 российским рублям серебра;

даян – серебряная монета Китайской Республики (1912–1949 гг.);

дубань (кит. tu rap ‘все ведающий’) – ‘высшее должностное лицо с военно-административными функциями’, зафиксировано в словаре Д.Н. Ушакова; в тексте встречается производное *дубанат*, прототип которого в китайском языке нами не выявлен;

дудзюн – военный губернатор в Китае;

хан (варианты *хана, хан(ь)жа, ханшин*) – китайская водка, в Китае этот напиток также называют *байцзю* или *шаоцзю*;

маджан – совр. *маджонг* // *мацзян* – игра-головоломка, зародившаяся в Китае;

хадаки – шарф, который является символом уважения в буддизме;

сяолунбао (от *сяолун* ‘маленькая решетка’) – круглая подставка с бортиком, сделанная из лыка, в которой готовятся на пару *бао*, или *баоцзы*;

Гоминьдан – национальная партия, была основана Сунь Ятсеном в августе 1912 г. после Синьхайской революции в Китае;

фэншуй – ветры (*фэн*) и потоки (*шуй*), древнейшее китайское учение о том, как жить в гармонии с миром на основе равновесного обмена энергиями между природой и человеком;

тайцзы (варианты *тай-чи, тайцзитюань*) – оздоровительная гимнастика, которая представляет собой серию плавных, статичных упражнений и сочетает боевые приемы и философское осмысление; считается разновидностью цигуна; первоначально это был вид боевых искусств, который зародился в XVII в.; сегодня этой гимнастикой активно занимаются люди старшего возраста в парках.

Кроме перечисленных заимствований, в повести содержатся названия китайских провинций: *Хенань, Чжэцзян, Цзянсу*; рек: *Хуанхэ, Янцзы, Хуанпу*; имена людей: *Пу И* – десятый император Цинской династии и последний император Китая, *Коу Ин-цзе* – военный

лидер Китайской Республики, *Сунь Ятсен* – китайский революционер-демократ; а также некоторые лексемы, функционировавшие в определенные исторические периоды: *Хунцзянхой* (красные пики) – тайная крестьянская организация в Китае, возникшая из деревенской самообороны (1911–1927), *Цинбан* (синее братство) – самое могущественное криминальное объединение в Шанхае и Юго-Восточном Китае в 20–30-е годы XX в.

2. Некоторые слова, обозначающие понятия китайского быта, заимствованы русским языком через язык-посредник (английский, манчжурский, французский).

Так, слово *септльмент*, зафиксировано в «Большой советской энциклопедии», является, строго говоря, англицизмом, происходит от англ. *settlement* ‘поселение’, функционировало в китайском языке XIX–XX вв. в значении ‘специальные кварталы в некоторых крупных городах, сдаваемые в аренду иностранцам’. На них фактически не распространялась юрисдикция китайского государства. В настоящее время слово является архаизмом.

3. Многие из слов, обозначающих в изучаемых текстах китайские реалии, не зафиксированы современными словарями русского языка:

ломпацо – у Б.А. Пильняка это человек, которого везет рикша;

кули – название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих (носильщиков, грузчиков, чернорабочих, рикши, поденщиков и т. д.) в Китае;

битэши – название должности в старом Китае (тот, кто ставил стол с предложениями для задач во время дворцового испытания, согласно описанию из работы Н. Бичурина «Взгляд на просвещение в Китае»; позднее эта должность исчезла);

хунхуз (букв. ‘краснобородый’) – участник вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае; в текстах встречается производное от этого существительного: «начальник хунгузского, сиречь разбойничьего отряда»; в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова 1973 г. это слово уже отсутствует (со временем хунхузничество было искоренено, и с его исчезновением ушло из словарей и само слово, обозначавшее специфическое социальное явление определенного периода).

4. В отличие от иностранных слов из другого языка (германизмов, галлицизмов), китаизмы не имеют ярко выраженных формальных признаков. Однако можно отметить некоторые характерные особенности: бинарность структуры, в которой зачастую используется дефис (*Ней-чен, Нан-чан, Да-жень, У-чан, Лю-хфа, Шан-хай, Сы-куй* и др.), реже трехкомпонентный состав (*Кон-фу-цзы*), буквосочетания *ши, цз* с гласным и некоторые другие.

В отличие от подавляющего большинства европейских языков, которые принадлежат к индоевропейской языковой семье и являются флективными, (например, русский язык обладает развитой системой словоизменения), китайский язык относится к сино-тибетской языковой семье и является аналитическим. При вхождении в русский язык китайская лексика, как и любая другая, подвергается ассимиляции/русификации. Некоторые из заимствуемых слов приобретают грамматические признаки существительных (категории рода, числа и падежа), а сами эти единицы становятся основой для словопроизводства (так, например, возникли прилагательные *даосский, гаоляновый*), а их план выражения адаптируется к фоновым особенностям русского языка.

5. Тексты художественных произведений, впервые введенные в научный оборот, позволяют дополнить и скорректировать данные словарей: отметить незафиксированные варианты для некоторых иноязычных слов, а также сами лексемы, которые не нашли синхронной фиксации.

Например, слово *тайпин* (крестьянское движение XIX в.) в русском языке существует в двух вариантах: орфографическом и фонетическом. Оно заимствовано путем кириллической транскрипции слова из литературного китайского языка, тогда как вариант *тайпинг* имеет финаль *-нг* и возник путем транслитерации английского слова китайского происхождения *Taiping*.

Тайфун жители Гуандуна называют *tai-fung* (на мандаринском диалекте – *tái fēng*), в русском языке его правописание претерпело изменение, отсюда видно, что прототип транскрибируется по фонетике гуандунского диалекта. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина приводится именно вариант *тайфун* в значении ‘местное название интенсивных тропических циклонов, возникающих в приэкваториальной зоне северо-западной части Тихого океана’ (Кр.; Матв., с. 108). При заимствовании слов из китайского языка используется в первую очередь транскрипция.

Хорошо известное слово *женьшень* первоначально имело форму *жень-чен*, которая фиксируется в рассматриваемых текстах.

С течением времени и развитием китайского общества в русский язык постепенно входит много новых слов, в то же время некоторые китайские заимствования, когда-то использовавшиеся в русском языке, постепенно исчезают. Примером может служить, как уже упоминалось выше, слово *хунхуз*.

Так как Б.А. Пильняк посетил Китай в 20-х годах XX в., китайская лексика в его работах характерна для определенной эпохи, то есть в дальнейшем многие из слов архаизировались. Однако в рассматриваемый период они являлись частью русской словарной системы, и их учет важен для восстановления полной картины количества китайских заимствований, поскольку в русском языке число заимствованных слов из китайского языка не очень велико по сравнению с количеством слов из других языков.

6. Способы ввода новых слов в изучаемых текстах отличаются разнообразием. Так в источниках практически отсутствуют сноски, преимущественными способами экспликации (семантизации) являются: 1) корреляция, 2) включение в синонимический ряд и 3) использование гипо-гиперонимов в качестве пояснения [10, с. 141]. Отличительной особенностью текстов рассматриваемого периода являются семантические кальки.

Приведем некоторые примеры: «*хуан-хоу*, младшие жены и все прислужницы» (Ков., с. 39); «фокусник делает *цин-ань*, поклоны» (Ков., с. 83), «делает легкий *цин-ань*, род книксена» (Ков., с. 86), «*чжуань-ча*, что в буквальном переводе значит кирпичный чай» (Ков., с. 144).

Китайская иноязычная лексика включает в себя самые разнообразные тематические группы, назовем некоторые из них:

одежда: *еза* (род лифчика), *тэй-за* (лента шириною в три пальца), маоку (шерстяные кальсоны), *ципао* (распространенное в Китае длинное женское платье);

деньги: *даяны*, *ланы*;

меры длины: *бига*, *сер*, *чох*, *му*, *ли*;

имена собственные: номинации городов и географических объектов (*Нанкин/Нан-цзин/Нан-чан*, *Шанхай*), названия журналов (*Нэн го*);

административные должности: *дудзюн* (региональный военачальник), *цзайсян* (должность премьер-министра или канцлера в монархическом Китае), *ланьчжун* (название должности чиновника в одном из ведомств);

ученые и духовные степени: *дзынь-ши* (высшая степень в системе государственных конфуцианских экзаменов кэцзюй), *ши вэй* (телохранители императора), *сюэ-ши* (должность совмещения для чиновников 5-го ранга и выше);

пища и напитки: *ебин-юбин* (сладкие пироги);

разновидности чая: *пу-эр-ча* (пурча), *лун-цзин*, *лянь-син*, *цяо-ше*, *цзинь-я*, *сяу-ча*, *мау-фын*, *чжуань-ча*;

лекарственные и другие растения: *жен-шин/жень-чен*, *му-сий* (травы, на которых откармливаются жертвенный скот), *ненюфары* (деревья);

дни, предназначенные для чего-либо: *хай* (день в апреле для жертвоприношения), *цин-минь* (день сбора чая, благоприятный по китайскому календарю);

болезни: *е-туйтын* (болезнь ног).

Важнейшая функция заимствований из записок путешественников состоит в том, что они освещают несуществующую в русской картине мира реальность, помогают придать описаниям национальный характер, фиксируют содержание повествования. Иными словами, рассмотренные китайские заимствования в текстах являются способом элиминации лакун, которые отражают то, что есть в одной локальной культуре и отсутствует в другой, и подчеркивают специфику одного языка по отношению к другому.

Выбор записок путешественников в качестве источника исследования дополняет традиционные источники, такие как словари, художественная литература, расширяет границы познания и способствует более глубокому изучению развития и функционирования русской лексической системы.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Ков. – Ковалевский Е.П. Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб.: Тип. Королева и К°, 1853. Ч. 2. 225 с.
- Кр. – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Матв. – Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562, [1] с.
- Пильн. – Пильняк Б.А. Сочинения: в 6 т. М.: Терра, 2003. Т. 3. Китайская повесть. 574 с.
- Роз. – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель, 2001. 832 с.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 795 с.

Литература

1. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
2. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: URSS, 2006. 248 с.
3. Самарин Д.А. В.А. Богородицкий о роли языковых заимствований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 386–389. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.42>.

4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений) / Вступ. ст. В.К. Журавлева, И.В. Журавлева. М.: Едиториал УРСС, 2011. 576 с.
5. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: ФЛИНТА, 2019. 328 с.
6. Цзян Сюехуа. Китаизмы в языке русского зарубежья первой половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 370 с.
7. Юйтин Чэнь. Иноязычные заимствования в современном русском языке // Вестн. НГПУ. 2015. № 4. С. 86–93.
8. Ли Гэнь. Культура Китая как предмет изображения в современной русской прозе: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 27 с.
9. Краснаярова А.А. «Китайский текст» в русской литературе XX века (на примере произведений Б. Пильняка и Е. Полевого) // Филология в XXI веке. 2020. № 1. С. 151–158.
10. Габдреева Н.В., Маршова Т.В., Калинина Г.С. Феноменология лакунарности в разнотипных языках // Метафизика. 2022. № 3 (45). С. 138–146. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-138-146>.

References

1. Krysin L.P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Loanwords in the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka, 1968. 208 p. (In Russian)
2. Leont'ev A.A. *Slovo v rechevoi deyateli'nosti: Nekotorye problemy obshchei teorii rechevoi deyateli'nosti* [The Word in Speech: Some Problems in General Theory of Speech Activity]. Moscow, URSS, 2006. 248 p. (In Russian)
3. Samarin D.A. V.A. Bogoroditskii on the role of loanwords. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2018, no. 6(84), pt. 2, pp. 386–389. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.42>. (In Russian)
4. Bogoroditskii V.A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki (Iz universitetskikh chtenii)* [A General Course of Russian Grammar (From University Lectures)]. Moscow, Ed. URSS, 2011. 576 p. (In Russian)
5. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Loanwords in the Modern Russian Language]. Moscow, FLINTA, 2019. 328 p. (In Russian)
6. Jiang Xuehua. Chinese loanwords in the language of Russian emigrants during the first half of the 20th century. *Cand. Sci. (Philology) Diss.* St. Petersburg, 2019. 370 p. (In Russian)
7. Yuping Chen. Loanwords in the modern Russian language. *Vestnik NGPU*, 2015, no. 4, pp. 86–93. (In Russian)
8. Li Gen. Chinese culture as the subject of contemporary Russian literature. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Moscow, 2022. 27 p. (In Russian)
9. Krasnoyarova A.A. The “Chinese text” in Russian literature of the 20th century (a case study of B. Pilnyak and E. Polevoy's works). *Filologiya v XXI Veke*, 2020, no. 1, pp. 151–158. (In Russian)
10. Gabdreeva N.V., Marsheva T.V., Kalinina G.S. Phenomenology of lacunarity in different languages. *Metafizika*, 2022, no. 3 (45), pp. 138–146. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-138-146>. (In Russian)

Информация об авторах

Габдреева Наталия Викторовна, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: n.gabdreeva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Хэ Юань, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: heyuan_0614@163.com

Ван Юйцун, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: *a1834471058@gmail.com*

Author Information

Natalia V. Gabdreeva, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, Kazan Federal University

E-mail: *n.gabdreeva@mail.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

He Yuan, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University

E-mail: *heyuan_0614@163.com*

Van Yucong, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University

E-mail: *a1834471058@gmail.com*

Поступила в редакцию 20.01.2025

Принята к публикации 15.03.2025

Received January 20, 2025

Accepted March 15, 2025